

Яньгу пригласил их отужинать не на шумном Призрачном рынке, а в Тереме Лунного Сияния. Сквозь бамбуковую рощу издалека пробивался мягкий свет свечей, рассыпаясь во тьме зыбкими алыми искрами.

На самом деле в Подземном царстве даже ночью кипела жизнь. Однако Терем Лунного Сияния стоял на отшибе, в стороне от Призрачного рынка, и сюда не долетал уличный гул, отчего здесь царил глубокий покой.

На бамбуковой тропинке тишину нарушали лишь тихие шаги призраков да шёпот холодного ветра в листве, ровный и умиротворяющий.

Перед самым теремом полыхал багровый пожар — буйно цвели ликорисы, чьи цветы никогда не встречаются с листьями. Стоило Люцзину вдохнуть их густой, дурманивший аромат, как в памяти снова возник силуэт танцующего на лепестках безумца. Кем он был — богом или призраком? Мужчиной или женщиной?

— Судья, что с тобой? — нахмурившись, полюбопытствовал Фань Уцзю.

Люцзин застыл на месте, заглядевшись на ликорисы, и Черное Непостоянство едва не врезался в него.

Услышав этот вопрос, Яньгу, который уже поднялся по ступеням и собирался войти, тоже обернулся. Взоры всех присутствующих устремились на Люцзина.

Оказавшись в центре внимания, Люцзин поднял голову и посмотрел на Яньгу. В неверном свете фонарей тот стоял в своих роскошных алых одеяниях, прекрасный и отрешённый, словно небожитель.

— Господин Яньгу, меня давно мучает один вопрос. Если я умер внезапной смертью, почему я очнулся посреди бескрайнего поля ликорисов? Там я видел человека, но так и не понял, кто он. Он напевал мотив, в котором упоминались вы. Быть может, вам известно, кто это мог быть?

Яньгу смотрел безмятежно и глубоко, словно сияние луны, но едва заметно улыбнулся. Похоже, слова Люцзина его заинтриговали.

— О? Песня обо мне? И что же в ней пелось?

Люцзин медленно, слово за словом, повторил текст, который врезался ему в память с первого же раза. Он пристально следил за лицом собеседника, надеясь заметить хоть тень узнавания или тревоги, но во взгляде Яньгу читалось лишь праздное любопытство.

— Если память мне не изменяет, — протянул Яньгу, — эту песню написал один человек в мире смертных, лет шестьдесят назад. Да только он давно мёртв. А ведь я все эти годы так тосковал

по нему...

"М-да... Почему мне кажется, что разговор свернул куда-то не туда?"

— Значит, вы тоже не знаете, кто это был?

Яньгу ничего не ответил, лишь развернулся и ушёл вглубь терема. Люцзин разочарованно вздохнул. Он-то надеялся, что хозяин палат прольёт свет на тайну его пробуждения, но загадок стало только больше.

Заметив, как поник Люцзин, Фань Уцзю подошёл ближе и крепко похлопал его по плечу:

— Не вешай нос. Теперь ты судья, времени у тебя предостаточно, во всём разберёшься. И пусть господин Яньгу не назвал имени, ниточка-то у тебя в руках осталась.

"Действительно, если разузнать, кто написал эту песню, можно докопаться до сути"

— Твоя правда. Спасибо, что подбодрил.

— Пустяки. Идём, — Фань Уцзю снова дружески хлопнул его по плечу и жестом пригласил войти.

Внутри Терема Лунного Сияния в небольших прудах цвели багровые лотосы. Время от времени на воду бесшумно опускались белые лепестки, медленно кружась в туманном свечении. Эта тихая, едва уловимая красота увядания подчёркивала умиротворяющее изящество этого места.

Под раскидистым старым деревом стоял каменный стол, ломившийся от изысканных яств и кувшинов с вином.

Яньгу сел первым. Лишь после его небрежного "Присаживайтесь" Люцзин и двое призрачных посыльных решились занять свои места. Опустившись на стул, Люцзин сразу огляделся, но Хухэ нигде не было видно.

Фань Уцзю поднялся, чтобы наполнить кубки. По двору тут же разлился сладковатый, дурманящий аромат — то самое вино из цветов туми, которое Яньгу пил в их первую встречу.

"Неужели сегодня Яньгу решил угостить нас вином вместо того пресного чая?"

Ведь не только живые, но и призраки в глубине души тосковали по земным радостям: посиделкам под луной, стихам, крепкой чаше, тихой лютне и изящным танцам.

Для Люцзина это был первый глоток хмельного с тех пор, как он очнулся в Подземном царстве. Попытавшись подражать непринуждённому жесту Яньгу, он лишь переоценил свои силы: крепкая влага обожгла горло, и бедняга закашлялся, едва не плача от режущей остроты.

— Кха-кха... — Люцзин отставил кубок. В горле всё ещё стоял густой цветочный дух. Удивительно, как столь нежные цветы туми, настоявшись на спирту, могли превратиться в такое свирепое зелье.

Яньгу едва заметно улыбнулся, подумав, что в этой жизни Люцзин кажется на редкость простодушным:

— И кто только научил тебя так пить?

"Да ты же сам и научил!"

Фань Уцзю попытался усмехнуться, но на его от природы суровом и волевом лице улыбка всегда смотрелась нелепо.

— Судья, если тебе мало, тут есть ещё целый кувшин, — пробасил он.

"Он что, держит меня за какого-то деревенщину, который отродясь хорошего вина не видел?"

Взыгравшее самолюбие толкнуло Люцзина под руку. Он демонстративно придвинул к себе кувшин и до краёв наполнил свой кубок.

Заметив, что юноша не на шутку сцепился с Фань Уцзю, Яньгу негромко предостерёг его:

— Не усердствуй. Быстро захмелеешь.

Но Люцзин, проигнорировав заботу, упрямо вскинул подбородок:

— А как иначе узнать, умею ли я пить, если ни разу не нализался допьяна?

Се Биань тоже хотел было вмешаться и напомнить, как мучительно похмелье у призраков, но, услышав этот глупый вызов, лишь покачал головой и промолчал.

Зато Фань Уцзю, никогда не упускавший случая подлить масла в огонь, так и расцвёл. Раз уж старшие решили не мешать, он с удовольствием принял правила игры.

— А ты не промах, судья! За это стоит выпить! — воскликнул Черное Непостоянство и одним махом осушил кубок.

Люцзин, не желая уступать, тут же опрокинул свой в ответ.

Слово за словом, кубок за кубком... После десятка таких "взаимных любезностей" земля под ногами Люцзина предательски покачнулась.

В глазах всё поплыло. Очертания Яньгу, сидевшего рядом, двоились и расходились, словно круги на воде. Люцзин потянулся было к нему рукой, чтобы удержать равновесие, но в этот миг из глубины внутреннего двора донеслись чарующие, неземные звуки флейты.

Яньгу прекрасно знал, кто выводит эту мелодию. Едва флейта взяла высокую, пронзительную ноту, Люцзин с глухим стуком уронил голову на каменную столешницу и беспamięтно уснул.

Когда новоиспечённый судья затих, Се Биань медленно опустил кубок и негромко спросил:

— Господин Яньгу, тот танцор на берегах Забвения, о котором он говорил... это ведь были вы?

Яньгу продолжал неторопливо потягивать вино, в хмельном дыхании которого тонул весь мир. Отражение спящего Люцзина застыло в его глубоких глазах.

— Думаю, на самом деле тебя занимает совсем иной вопрос.

Се Биань славился своим умом, но перед этим древним божеством, чьё величие граничило с легендой, он казался открытой книгой.

— Если вы твёрдо решили уберечь его от груза былых воспоминаний, зачем тогда даёте ему эти зацепки?

До сегодняшнего дня Яньгу действительно намеревался скрыть правду. Но теперь, когда Люцзин сам начал задавать вопросы, его намерения изменились.

— Хранить память в одиночестве — слишком скучная участь, — тихо проговорил он. — К тому же ты отлично знаешь: одной лишь памятью сыт не будешь. Я затеял это ради куда более важной цели.

Се Биань лишь молча склонил голову. За долгие века службы в Подземном царстве он успел понять слишком многое.

— В таком случае позвольте пожелать вам удачи. Надеюсь, ваш замысел увенчается успехом, а давнее желание наконец исполнится, — негромко произнёс Белое Непостоянство.

Он понимал: каждому в этом мире нужно обрести покой и завершённость — и великому богу,

восседающему на вершине бытия, и простому призрачному посыльному в сырых глубинах Подземного царства.

Фань Уцзю чувствовал смутное смятение. Он не знал, к добру всё это или к худу, но долги прошлого Люцзину рано или поздно придётся платить. И всё же, глядя на нынешнего безмятежного юношу... Ладно, будь что будет. Пусть судьба сама рассудит их.

— Господин Яньгу, нам отнести судью обратно к Цзюцину или... — Фань Уцзю поглядел на колышущиеся ветви.

Ночной ветер в Подземном царстве дышал могильным холодом; призраки хоть и мертвы, но от ядовитой сырости их бесплотные тела тоже могли увянуть.

— К Цзюцину наведаться стоит, но лишь для того, чтобы передать весть: Люцзин сегодня останется в Тереме Лунного Сияния. Время позднее, возвращайтесь к своим обязанностям.

Се Биань и Фань Уцзю почтительно поклонились и бесшумно растаяли в ночной мгле.

Яньгу сделал ещё глоток и долго смотрел на спящего Люцзина. Весь этот званый ужин затевался лишь ради одного — дать юноше возможность озвучить тревожащие его вопросы.

Утренний свет, холодный и бледный, пробился сквозь вечный туман Подземного царства и мягко лёг на лакированные перила терема, заставив их заискриться подобно драгоценной яшме.

В одной из комнат восточного флигеля под шёлковым одеялом беспокойно метался молодой судья.

Голова раскалывалась так, словно её сжимали тисками. Неужели это и есть то самое похмелье, о котором слагают легенды смертные?

С трудом разомкнув веки, Люцзин обнаружил над собой резные балки потолка и узорчатый полог кровати. Под ним была невероятно мягкая перина.

Это определённо была не хижина Цзюцина с её жёсткой лежанкой — у бедного духа отродясь не водилось подобной роскоши.

Кое-как преодолевая тупую боль в висках, Люцзин сел на постели. Комната была убрана просто, но со вкусом: изящный чайный столик, добротный письменный стол, аккуратные полки, а воздух наполнился тонким ароматом благовоний. Цзюцин никак не мог разбогатеть за одну ночь и обзавестись таким жильём.

Вывод напрашивался сам собой — он в Тереме Лунного Сияния.

Скинув лёгкое одеяло, он босыми ногами коснулся холодного пола и поплёлся к выходу. Сквозь щели в дверях пробивались блёклые лучи, в которых медленно кружились пылинки.

Дверь со скрипом отворилась. Хлынувший свет на миг ослепил Люцзина, заставив его прикрыть лицо ладонью. Привыкнув к свету, он оглядел двор.

И впрямь, Терем Лунного Сияния. Куда ни глянь — всюду высились кусты дикой тумы, усыпанные белыми бутонами.

"И почему Яньгу так помешан на этих цветах? Будто других растений во всём Подземном царстве нет..."

— Проснулся? Тогда проваливай отсюда, — раздался неподалёку ледяной голос.

Люцзин обернулся и увидел Хухэ.

Молодой господин Хухэ сегодня сменил наряд на длинное одеяние цвета грозового неба. На этот раз на шёлке не было вышито ленивого белого лиса — его заменяли нежные бутоны лазурных лотосов, которые удивительно гармонировали с глубоким синим оттенком ткани.

Хотя Люцзину казалось, что этот фасон не полностью раскрывает благородную утончённость Хухэ, нельзя было не признать: выглядел тот безупречно, напоминая ожившую старинную картину.

Отрезвев от созерцания чужой красоты, Люцзин внезапно вспомнил, что вообще-то он теперь при исполнении:

— А где господин Яньгу?

Хухэ лишь пренебрежительно фыркнул. Он ещё при первой встрече заподозрил, что этот переродившийся юноша, хоть и сохранил прежний облик, умом явно обделён.

— Который сейчас час, по-твоему? Где ещё ему быть?

Не успел Хухэ договорить, как Люцзин пулей метнулся обратно в комнату и с грохотом захлопнул за собой дверь, лихорадочно приводя себя в порядок. Проводник лишь одарил закрытую дверь безгловым взглядом и не спеша удалился.

Люцзин во весь опор бросился к Дворцу Яньло. К его облегчению, призраков в зале собралось

немного. Яньгу уже всюду вершил суд. Стараясь не привлекать внимания и стойко игнорируя недоумённые взгляды толпящихся душ, Люцзин тихонько проскользнул к судейскому возвышению и замер сбоку.

В Книге Жизни и Смерти красовалось уже несколько десятков зачёркнутых имён. Значит, за то время, пока Люцзин отсыпался — а опоздал он всего на какую-то стражу, — Яньгу успел отправить на перерождение не меньше сорока душ.

Пока шёл допрос очередного грешника, Люцзин украдкой скользнул взглядом по залу и наткнулся на Фань Уцзю. Тот ободряюще подмигнул ему, словно призывая не казнить себя за опоздание. Люцзину стало немного теплее на душе от такой немой поддержки, хотя неловкость перед владыкой никуда не делась.

Когда с последним делом было покончено, Черное и Белое Непостоянство отправились в мир смертных за новыми душами. Люцзин заглянул в свитки: судя по записям, сегодня к вечеру ожидалось ещё несколько сотен усопших. Он уже приготовился к долгой и нудной работе, как вдруг Яньгу обратился к нему:

— Люцзин, на сегодня твоя служба здесь окончена. Ступай и осмотри Восемнадцать слоёв ада.

"Что? Восемнадцать слоёв ада? Но это же самое жуткое место во всём Городе Фэнду!"

— Ты только заступил на службу, тебе нужно досконально изучить все закоулки Подземного царства, — ровным голосом продолжил Яньгу, заметив его замешательство. — С делами во дворце я разберусь сам. Ступай. Хухэ выделит тебе сопровождение.

"Опять этот невыносимый лис..."

Раз уж владыка отдал приказ, деваться было некуда.

— Слушаюсь, господин Яньгу. Разрешите идти, — поклонился Люцзин, пытаясь скрыть уныние.

Вообще-то, получить такое поручение было большой честью — это доказывало, что Яньгу начинает доверять новому помощнику и считает его способным на серьёзные дела. Вот только энтузиазма у Люцзина это почему-то совсем не вызывало.

Едва он переступил порог дворца, как тут же наткнулся на Хухэ. Тот стоял спиной к дверям, заложив руки за спину — подтянутый, статный, словно молодая сосна на горном склоне, и холодный, точно цветущая среди снегов слива.

"Цзюцин прав, чертовски красив"

Из-за того, что Яньгу и Хухэ всегда держались вместе, юноше порой казалось, будто между ними есть какое-то неуловимое сходство. Вот только в чём именно оно заключалось, он понять не мог.

Люцзин не спеша подошёл ближе. Проводник даже не повернул головы, делая вид, будто не замечает его присутствия. С первой минуты знакомства Люцзин понял: с этим типом придётся набраться терпения.

— Молодой господин Хухэ, — позвал он.

Хухэ медленно обернулся и, окинув его кислую мину насмешливым взглядом, хладнокровно заметил:

— Я собирался предупредить тебя ещё в тереме. Но ты так рьяно хлопнул дверью перед моим носом, что я, признаться, растерялся и позабыл о приказе господина.

Люцзин лишился дара речи.

— За мной, — бросил Хухэ и зашагал прочь.

<http://bllate.org/book/18339/1784907>